

УДК 330:342.141
ББК У010.11

Н.В. ТУМАЛАНОВ, И.Н. УРУСОВА

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ ВЫЖИВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Ключевые слова: интересы выживания, семья, земля, институциональная система, перераспределение ресурсов.

В статье изложены результаты анализа эволюции интересов выживания при переходе различных обществ к новой институциональной системе. Обосновано, что в каждом обществе реализация интересов выживания происходит по-своему, но есть общие закономерности. Доказано, что социальные издержки с точки зрения выживаемости неизбежны, хотя в одних обществах они высокие, а в других – ниже. Установлено, что переход к институциональной системе рыночного типа, как правило, первоначально ухудшает условия выживаемости, но впоследствии каждая социальная группа по-своему адаптируется к новым условиям. Общей закономерностью процесса перехода во всех обществах является перераспределение ресурсов. В некоторых из них институциональная система, обслуживающая интересы перераспределения, устанавливается надолго. Такая институциональная система неустойчивая и нередко приводит к крупным социальным конфликтам, поскольку ущемляет интересы выживания большинства населения.

N. TUMALANOV, I. URUSOVA

REALIZATION OF INTERESTS OF THE SURVIVAL IN THE COURSE OF TRANSFORMATION OF INSTITUTIONAL SYSTEMS

Key words: interests of a survival, family, earth, institutional system, redistribution of resources.

In article results of the analysis of evolution of interests of a survival are stated upon transition of various societies to new institutional system. It is proved that in each society realization of interests of a survival happens in own way, but there are general regularities. It is proved that social expenses from the point of view of survival are inevitable, though in one societies they high, and in others – below. It is established that transition to institutional system of market type, as a rule, originally worsens survival conditions, but subsequently each social group in own way adapts for new conditions. The general regularity of process of transition in all societies is redistribution of resources. In some of them the institutional system serving interests of redistribution is established for a long time. Such institutional system unstable and quite often leads to the large social conflicts as infringes upon interests of a survival of most of the population.

Целью исследования, результаты которого изложены в данной статье, является определение закономерностей реализации интересов выживания при смене институциональных систем. Научной новизной работы является то, что дана оценка изменений, которые происходят в неформальной среде и социально-экономических последствий усложнения условий выживания. В методологии широко применялся исторический анализ в сочетании с единичным и общим, сущностным и феноменологическим подходами. Работа имеет практическую значимость, поскольку проблемы, которые раскрыты в ней, вынуждены решать общества, осуществляющие переход к новой институциональной системе в связи со сменой социально-экономической формации.

Семья как форма выживания. Перед людьми изначально стояла проблема выживания в окружающей среде. Было понятно, что выживаемость

группы выше у индивида. Естественным образом такой группой стала кровнородственная семья, обеспечиваемая свои членам сплоченность и взаимопомощь. У многих племен семья в исторически короткие сроки превратилась в общество, основанное на тех же кровнородственных отношениях. В античном мире Греции и Рима на этой основе сформировались государство и структура общества: отцы – основатели поселений и их потомки – знать; представители племен, народов, завоеванных и присоединенных в последующем – рядовые граждане или проживающие без гражданства, а также рабы и приравненные к ним сословия.

Это способствовало появлению понятия «ойкос номос» – учения о рабовладельческом хозяйстве, работающем на обеспечение выживания, а затем и на обмен. В тех условиях, когда семейные начала обусловили формирование общества, институциональные структуры не обеспечивали единство этноса и служение его интересам. Не случайно известный реформатор античного общества, Ликург, убедил граждан Спарты упразднить собственность на землю и отдать это право государству и всю годную для обработки землю разделить поровну на всех спартанцев, имеющих право на надел. В желании защитить государство от самых опасных его болезней, разделения богатых и бедных, он распорядился изъять из обращения золото, серебро и оставить в обращении лишь железную монету. Для крупной покупки приходилось возить деньги на телеге, и такой человек сам себя выставлял на посмешище. Исчезло взяточничество, сократилось воровство и другие виды преступлений [5].

Хотя пример Спарты, самого военизированного общества древности, и нехарактерен для всех, и в других полисах античной Греции хорошо понимали мерзость и разлагающую силу неравенства. Даже в Афинах, где рыночные отношения быстро развивались, а знаменитый Перикл весь годовой урожай своего земельного владения продавал сразу, а затем покупал необходимые продукты на рынке, когда и сколько требовалось, разрыв в имущественном положении у граждан был невелик.

В тот исторический период, когда выживание человека зависело исключительно от организации группы, само общество полиса рассматривало себя как единую семью. Таким образом, было организовано древнеримское общество, где само понятие «семья» («*familia*») включало, кроме кровнородственных членов семьи, также рабов и клиентов. Естественным образом фундаментом хозяйственного благополучия государства и общества в целом считались экономические интересы семьи.

В период поздней империи те изменения, которые произошли в производительных силах и методах хозяйствования, привели к изменению экономических интересов собственников рабовладельческих хозяйств. Рабский труд в новых условиях стал невыгоден. Традиционная римская *familia* как особый институт себя изжила. Новым интересам крупных землевладельцев отвечала частичная свобода рабов в хозяйственной деятельности. Они уже вели свое хозяйство самостоятельно на выделенных участках земли. Появились колонны, производительность труда которых была выше, чем у рабов, присмотр за

ними требовался минимальный. Колонат по экономическим интересам был на деле переходной формой от рабского труда к труду феодального крепостного крестьянина. Само же позднеримское крупное хозяйство, сальтус, явилось переходной формой от классического рабовладельческого хозяйства к феодальному поместью. Феодальное же хозяйство, институт, образовавшийся в соответствии с интересами высшего сословия, стало основной производственной единицей средневековых обществ Западной Европы. Именно там переплетались и развивались интересы выживания государства, классов и групп, семьи и индивидов.

Земля, земледелец и интересы выживания. По форме в каждом обществе этот процесс происходит по-разному. Однако в нем есть общие закономерности. В соответствии со сложившимися интересами особым ресурсом в обществе была земля, пахотная и пастбищная. Она была жизнеобеспечивающим ресурсом и от ее использования зависело выживание человека. Вокруг этого ресурса формировались и реализовывались интересы отдельно взятых людей, семей, социальных групп и всего общества. Суверен платил за службу землей: пожизненно или бессрочно.

Земля имеет настоящую ценность только тогда, когда она заселена земледельцами. Решение этой проблемы, «земля плюс земледелец», можно проследить в средневековой истории России. Изобильная землей страна была плохо заселена и обрабатывалась лишь часть той земли, которой обладал князь. В этих условиях большую ценность представлял собой земледелец. Он был средством реализации интересов, как владельца вотчины (поместья), так и верховного собственника, князя. Одновременно он реализовывал свой основной интерес – выживаемость свою и собственной семьи.

Крестьяне первоначально являлись, вольными арендаторами вотчинных и поместных земель. Они приходили, заселялись в большинстве случаев, не имея ни тягловой силы, ни простого набора средств для обработки земли. Получив у собственника землю и средства ее обработки, удовлетворяя интересы собственника, он отдавал ему, как правило, половину своего годового урожая. Происходило это в условиях, когда удельно-княжеские, боярские, церковные селения составляли лишь часть сельских общин, разбросанных по всей стране. Большая часть населения так называемые «черные крестьяне», платили дань верховной власти через феодальных собственников, а непосредственно. Собственники поместий и вотчин постоянно опасались, что крестьяне уйдут и земля останется необработанной. Об этом и свидетельствует ограничение Судебником Иоанна III перехода крестьян от одного владельца земли к другому двумя неделями в году (1497 г.). Это устраивало землевладельцев, не сильно ограничивало крестьян, поскольку к Юрьему дню (26 ноября), к которому был приурочен переход, работы по обработке и размещению полученного урожая заканчивались.

Однако интересы правящего класса росли, и начатый процесс их реализации продолжался и дошел до своего естественного рубежа. Процесс закрепощения крестьян завершился в 1597 г., когда был издан Указ «О урочных

летах», устанавливающий срок сыска беглых крестьян в пять лет. Так крестьяне пожизненно были прикреплены к земле помещика-собственника.

Закрепощение крестьян отвечало экономическим интересам служилого дворянства, основной опоры центральной власти. Однако не меньший вес имели и общегосударственные интересы, поскольку после потерь в Ливонской войне и экономического ущерба, нанесенного опричниной, необходимо было наладить хозяйственную жизнь, упорядочить взимание подати, организовать выполнение общественных повинностей, пополнение казны. Сделать это без силового закрепощения крестьян было очень сложно. Положение было критическое и правители, царь Федор Иоаннович и Борис Годунов пошли на это, чтобы облегчить решение сложившихся проблем. Институциональное оформление этого акта явилось попранием естественного права многомиллионного сословия крестьян быть свободным в выборе варианта реализации своих жизненных интересов. Однако фактом является то, что в течение трех столетий страна жила, развивалась, добивалась порой потрясающих успехов как в политической, военной, так и хозяйственной сфере. В то же время многие считали, что крепостное право – это тот «дамоклов меч», который висит над обществом, и в любой момент может сорваться.

Интересы выживания при переходе к новой институциональной системе. Особый интерес представляет собой реализация интересов выживания в условиях перехода к институциональной системе, обслуживающей рыночно-капиталистическую экономику. В разных обществах сам переход происходит в несхожих условиях, результаты их у различных обществ неодинаковые. Выбор Александра II в 1861 г. был сделан с глубоким осознанием общественных интересов, с четким пониманием того, что внешне отмена крепостного права противоречит интересам правящего класса. Манифест 19 февраля 1861 г. и последующие реформы во многих сферах упраздняли прежние устоявшиеся формализованные ограничения. Для индивида и для групп возможности выбора в реализации своих интересов сильно расширились.

Манифест 19 февраля 1861 г. и последовавшие реформы с материальной точки зрения были началом создания новой институциональной системы, призванной способствовать ускорению экономического развития. Однако они устанавливали новые отношения между индивидами, группами, классами: рыночно-капиталистические, основанные исключительно на частных интересах. Эти интересы ориентированы на удовлетворение собственнических потребностей. Они очень жестко и прямолинейно нацелены и не допускают никаких послаблений, которые могут ухудшить результаты деятельности индивидов, групп и условия их выживания. По существу, эта новизна, внесенная в сознание людей, быстро внедряется в него и в неформальной среде производит переворот. Это и выливается в российском пореформенном обществе XIX в. В идеологии и культуре произошли необратимые изменения. Ценности, в течение столетий внедрившиеся в сознание людей, быстро разлагались. Заменявшие их индивидуализм, неверие, нигилизм произвели разрушительную работу. Общество не нашло выхода из этого духовно-нравственного тупика и, несмотря на успехи в

хозяйственном развитии, прежняя Россия погибла. В целом этот переход не улучшил условия выживания большинства людей и общества, а ухудшил.

В Англии процесс, сопоставимый с тем, что происходило в России XIX в., протекал на три века раньше, начало его и результаты сильно отличались от российских. Успехи фландрской шерстяной мануфактуры резко увеличили спрос на шерсть и, соответственно, – цены на нее. У землевладельцев Англии в связи с этим произошла переориентация экономических интересов. Стало выгодно разведение овец. Оно дает возможность быстро разбогатеть. Крупные феодалы начали с реализации своего права собственности на общинные земли. Сгон с них крестьян и разрушение их хижин приняли массовый характер, устраняя барьеры удовлетворения личных интересов лендлордов. Король Генрих VII сокрушался «...поразительно громадные массы людей лишились возможности содержать себя и свои семьи» [2]. Этот Акт Генриха VII, и дальнейшие жалобы крестьян в течение 150 последующих лет ничего не изменили. В начале XVII в. закон о 4 акрах земли, закрепляемых за хижинной наемного работника, повсеместно нарушался. В первой половине XVIII в. уже речь идет о 1-2 акрах земли, а дальше – о маленьком участке для цветов или, может быть, овощей, но никак не о акрах. Так были попораны интересы выживания большинства населения страны.

Экономические интересы правящих групп господствовали и в процессе реформирования католической церкви. Реформация осуществлялась отнюдь не ради концепции спасения души. Катехизис католицизма в этой области стал хорошей мишенью и этому более всего способствовали клеветы римского престола, торгующие индульгенциями. Земли католической церкви были ценной добычей и реформаторы немедленно воспользовались возможностью их захвата. Монастыри уничтожались, церковные имения раздаривались элите. Эгоистические интересы ограничивались возможностью красиво пожить и они за бесценок распродавали земли спекулянтам. Те, подобно лендлордам, сгоняли с них прежних арендаторов, которые наследственно проживали на них и кормились от них с незапамятных времен. Кроме того, таким же хищническим способом захватывались и государственные земли. При этом не обращали внимание на неформальные ограничения, не соблюдали формализованные законы. Земли оформляли в дарение, присоединялись к существующим поместьям, продавались по заниженным ценам. Земли, имущество, полученные в таких условиях, несмотря на потрясения революции середины XVIII в., сохранились в собственности английской олигархии не только пожизненно, но и наследственно. Так реализовывались интересы крупных землевладельцев, новой буржуазии, банковского капитала. Интересы этих групп во многом совпадали.

В отчаянном положении оказались крестьяне, мелкие фермеры, которые в массовом порядке были изгнаны вместе с семьями и оказались без средств к существованию. Результат этого процесса известен: общинная собственность на землю в Англии перестала существовать, а страна наполнилась безработными, нищими, больными, бездомными и эта масса хлынула в города. Власть

развернула жестокую борьбу с этими обездоленными людьми. Основным способом их выживания стало трудоустройство в каком-либо из открывающихся и растущих мануфактурных предприятий в городах. На такой основе началось развитие капитализма в Англии.

Так сложились и те благоприятные условия, которые способствовали тому, чтобы «невидимая рука» А. Смита работала. Духом капитализма и индивидуализма были одержимы все, начиная с верховного суверена до самых низов. Каждый четко знал свои интересы и делал все, чтобы их реализовать. Сам король, за ним и родовая аристократия на равных участвовали в новой сфере торгово-промышленного бизнеса, ориентируясь на интересы своего двора. Соответствующим образом выстраивались и институциональные структуры общества. Король, по сути, стал скромным членом одной из влиятельных и заинтересованных групп, и его интересы были идентичны интересам других членов группы. Такое положение сделало Соединенное Королевство образцовым полигоном для обкатки капиталистических либеральных ценностей и внедрения в сознание людей духа индивидуализма и социального дарвинизма.

Базисные различия в реализации интересов выживания в новых условиях. Несколько по-иному обстояло дело в России. В России царь всегда являлся отцом нации. Так монарх воспринимал себя, так воспринимали его поданные. И это неформализованное правило, а установление неформальное. Игумен Сильвестр (Нестор), автор первой русской летописи, передает сведения о призвании варягов-руси, Рюрика с братьями и дружиной, на княжение. Причина: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет» [6]. Уникальный случай в истории, когда верховным правителем страны становится не ее завоеватель, а призванный для «наряда» (соблюдения порядка) чужеземец. И не он заставлял людей признать его отцом народа, а народ сам попросил. В дальнейшем закреплению такого обычая способствовали горький опыт кровавых междоусобиц и многовековая борьба с кочевниками. И правители российские глубоко осознавали не столько возможности, которые дает неограниченная власть, сколько свою ответственность перед народом. «Ничем я не горжусь и не хважусь... ибо я исполняю свой царский долг... Подданным своим воздаю добром за добро и наказываю злом за зло, не желая этого, но по необходимости...», – пишет Иоанн IV своему оппоненту князю Андрею Курбскому, клятвопреступнику, как он его именует за измену и переход на сторону военного противника Руси – Польши. Он его предупреждает: «И ты не найдешь себе там утешения, ибо там каждый о себе заботится. Кто оградит тебя от насилий или защитит от обидчиков, если даже сиротам и вдовицам не внемлет суд, который созываете вы, враги христианства!» [4]. В этих словах просматривается вся глубина различия концептуального понимания отношений «личность – государство», «индивидуум – общество», соотношения их интересов и возможностей защиты этих интересов в двух обществах, изрядно либерализированной Польше и монархической России. Иоанн с сознанием долга, с уверенностью в его исполнимости, с непоколебимой уверенностью говорит об ограждении своих подданных от насилий и обидчиков. Уверен и в

том, что для этого необходимо соборное единение интересов подданных, беспрекословное подчинение их повелениям государя. Напротив, там, куда переметнулся Курбский, такой государь, который «... ничем не управляет, а лишь от всех повеления получает» [4]. Это не благо, к которому стремился Андрей, а наказание за то, что он не захотел жить под властью данного Богом государя, а захотел жить по своей воле.

Такой подход российских правителей к своему народу (и народа к своим правителям) сохранился до самого падения российского самодержавия. И напротив, своеволие никогда не одобрялось общественным мнением, поскольку ни к каким хорошим результатам не приводило. Все российские самодержцы и такое понимание сформировалось на уровне шестого чувства, интуиции, поскольку выживать приходилось в жесточайших условиях экспансии Запада, набегов кочевников и др.

Своеобразная ситуация складывалась в латиноамериканских странах, когда не стало условий общинного выживания. Развитие рыночно-капиталистических отношений на определенной стадии делает выживание на земле, в сельской местности, затруднительным или вовсе невозможным. Начинается массовое переселение в города. Там их не ждут, и отношение к ним властей враждебно, поскольку они создают множество проблем. В крупных городах при массовом притоке мигрантов складывается весьма напряженное положение. Описание этого процесса Э. де Сото [7] впечатляет, хотя для отечественной институциональной системы это – не такая и новизна. Многие подобные уже происходило в стране в 30–50-е годы прошлого века. «Справка отпущения» из колхоза, прописка, которая была необходима для трудоустройства в городе, немало других, не менее значимых проблем свидетельствовали о том, что в этой сфере общественные и частные интересы были прямо противоположны. В ее решении широко применялись формальные и неформальные ограничительные установления. Но проблема в целом решалась успешно: этот внутренний миграционный поток поглощался крупными промышленными предприятиями, учебными заведениями, армией и другими организациями, где требовались человеческие ресурсы. Этот поток внутренней миграции обслуживал индустриальное развитие.

Ф. де Сото, описывая ситуацию, сложившуюся в Перу, видит решение проблемы выживания в работе стихийно образовавшихся структур нелегальной экономики в торговле, транспорте, жилищном строительстве. Нелегальные предприятия изначально имеют конкурентное преимущество перед легальными: не платят налоги, уходят из-под контроля государственных органов, не отчисляют средства в социальные фонды. Предоставленные сами себе, непосредственно следуя своим интересам, они быстро приспосабливаются к рыночной конъюнктуре. Однако последствия от этого неприятные: легальные предприятия, не выдерживая конкуренцию, обанкрочиваются, появляются новые безработные. Когда происходит легализация нелегалов, снижается их конкурентоспособность и начинается их выбывание из отрасли. Тогда формирующаяся новая волна нелегалов замещает выбывших. Причину такой

неустойчивости отраслевых рынков, освоенных нелегалами, кроются, как утверждает упомянутый автор, в правовой системе страны. Она, с одной стороны, работает в какой-то период на выживание определенных слоев населения, с другой – вынуждена бороться с нелегалами [7].

В отечественной экономике ситуация в нелегальном секторе мало похожа на ту, что описывает названный автор. Однако она довольно сложная и обостряется, как правило, в периоды спада и кризиса. И это весьма сильно воздействует на положение в ряде отраслей, прежде всего, в тех, которые в силу структуры отраслевого рынка и специфики производства, реализации, находятся под угрозой упадка. Опасность усиливается тем, что подвержены этой угрозе более всего жизнеобеспечивающие отрасли, от которых зависит экономическая безопасность страны [1]. Нарушаются пропорции межотраслевого обмена, углубляется его диспаритет [8].

Выживаемость в перераспределительной экономике. Правовая система формируется под воздействием экономических интересов. Путь удовлетворения экономического интереса в новых условиях часто ищут в присвоении ренты, понимая ее в широком смысле термина как получение дохода с использованием или рыночной власти, или каких-либо иных возможностей перераспределения. В обществах стран «третьего мира» вырабатываются традиции перераспределения и механизмы его реализации. Заинтересованные группы, обладающие политическими, экономическими, социальными рычагами, добиваются через органы власти перераспределения доходов в свою пользу. Привилегии этих групп легализируются. Доходы нелегалов, не сумевших формализовать свои права, сокращаются.

Такая ориентация экономически активных сил в обществе дает неприятные последствия. Для получения рентного дохода, не связанного с вкладом в реальное производство, пускаются в ход любые возможности: влияние политических партий, СМИ, крупных корпораций. Используются семейные и дружественные связи. Нередко используется сила, влияние исполнительных структур власти, мощных производственных единиц. В этих структурах доминируют не служебные, деловые интересы, а интересы рентоориентированных групп.

В некоторых обществах такая ориентация превращается в длительную борьбу за доходы рентного характера, обращающихся в бюджетах разного уровня, собственности этнических кланов и др. Экономические интересы побуждают искать условия, при которых можно их успешно удовлетворить в пределах той или иной институциональной структуры. Привлекательны рычаги, действующие через законодательные и исполнительные органы. Такие лоббистские группировки обеспечивают надежную и долгосрочную защиту интересов. Те, кто хорошо организовался для связи с органами, получают преимущество.

Такое положение воздействует на структуру и характер производства. Экономика вместо того, чтобы лучше использовать факторное преимущество, ориентируется на рентообразование. Вместо глубокой обработки продукции и использования всей цепочки создания стоимости, осуществляется лишь первичная обработка с незначительной добавленной стоимостью. Это приводит к тому, что

сохраняются и полноценно функционируют те области бизнеса, которые являются удобными и эффективными в перераспределении рент. Ряд отраслей в таких условиях испытывают спад, поскольку не могут перейти на новый экономический уклад и эффективно использовать ресурсы [9]. Соответствующим образом выстраиваются и институциональные структуры, нацеленные на перераспределение доходов. Институты демократии в таких условиях становятся бесплодными в отношении обеспечения свободы и равноправия, превращаясь в группы проникновения во власть и давления. Если такой правопорядок утверждается, то его трудно изменить. Меняются партии и люди, но происходит лишь переориентация на интересы новых групп, обретших власть. Не меняется ни экономическая суть интересов, ни социальная направленность институциональных структур, ни мораль и отношение действующих групп к порядку и справедливости [10]. В ряде стран Латинской Америки, Азии, Африки много раз происходила смена правительств, к власти приходили и консерваторы, и либералы, и военные. Однако цели и приемы доминирующих групп существенно не менялись. Например, в Чили в 1970-е годы правительство Народного единства попыталось кардинально изменить положение. Но попытка получилась безуспешной. В результате военного переворота к власти пришла хунта Пиночета. Она была носителем другой идеологии. Однако практические ее действия сути сложившейся институциональной системы не изменили.

Д. Норт с соавторами [3] доказывают позитивную роль противостояния разных группировок. Как они полагают, это сдерживает насилие. Действительно, в целях поддержания уровня рент или обеспечения новых источников рент это сдерживание в какой-то мере имеет место. В период кризисов, когда ренты сокращаются, это предотвращает вооруженное столкновение групп. Однако практика свидетельствует о том, что изменение порядка доступа к ресурсам нередко приводит к жестокой гражданской войне. Так произошло в Конго 1990-е годы, Мозамбике в 1980 г., современной Ливии, Сирии, Украине. Можно предположить, что даже переход от ограниченного доступа к так называемому порядку свободного доступа к ресурсам в таких обществах вряд ли что-то существенно изменит. Институты обеспечивают порядок и справедливость там, где все (или почти все) граждане охотно выполняют формализованные установления и неформальные ограничения. Но если большая часть индивидов и групп к этому не готова, то не стоит ожидать положительных изменений и улучшения условий выживаемости основной части населения.

Выводы. Таким образом, исторические факты свидетельствуют, теория и практика подтверждают то, что в реализации интересов выживания при трансформации институциональных структур с их нацеленностью на обеспечение частных интересов есть определенные закономерности.

1. Как правило, переход к отношениям, где доминируют частные интересы индивида, происходит в обществе с высокими социальными издержками. Хотя общие экономические результаты могут быть удовлетворительными, выживаемость значительной части населения при этом снижается.

2. Такой переход вызывает необратимые изменения в неформальной институциональной среде и в духовно-нравственном облике людей: нормы, ог-

раничения, ценности становятся другими, нацеленными на удовлетворение интересов индивидуума.

3. Политические результаты перехода мало предсказуемы и во многом зависят от факторов внешней среды. В одних обществах устанавливаются демократические порядки, отвечающие требованиям либерального мировоззрения, в других – сохраняется авторитарный режим власти.

4. В различных обществах смена институциональных систем происходит по схожему алгоритму, однако темпы и результаты ее неодинаковые. В одних странах устанавливается порядок, где действует уравнивающая сила политических и общественных институтов, в других – закрепляется распределительная рендоориентированная система, которая может затормозить политический, социальный, экономический прогресс в долгосрочном периоде и ухудшить условия выживаемости большинства людей.

5. Та часть населения, которая в результате смены формации была выбита из привычной жизненной среды, адаптируется к новым условиям, используя доступные возможности, при этом не обременяя себя соблюдением всех формальных и неформальных норм и ограничений.

Литература

1. Александров А.Ю. Актуальные проблемы совершенствования институтов развития конкуренции и поддержки отраслей // Научное обозрение. 2015. № 17. С. 318–323.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные соч.: в 9 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 7.
3. Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // Вопросы экономики. 2013. № 3. С. 4–31.
4. Первое послание Иоанна Грозного Курбскому. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М.: Худож. лит., 1986.
5. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: 2 т. М.: Правда, 1987. Т. 1.
6. «Повесть временных лет» как памятники литературы Древней Руси. XI – начало XVII века. М.: Худож. лит., 1978.
7. Сото Э. де. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире: пер. с англ. М.: Ката-Паху, 1995.
8. Тумаланов Н.В. Воздействие экономических институтов на межотраслевой обмен // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 495–500.
9. Тумаланов Н.В., Иванов В.В., Тумаланов Э.Н. Изменение условий конкуренции на рынке агропродовольственной продукции // Современная конкуренция. 2012. № 3. С. 80–88.
10. Тумаланов Н.В., Урсова И.Н. Воздействие экономических интересов и институциональных структур на экономическое развитие // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 245–252.

References

1. Aleksandrov A.Yu. *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya institutov razvitiya konkurent-sii i podderzhki otraslei* [Actual problems of improving the institutions of competition development and support industries]. *Nauchnoe obozrenie* [Scientific review], 2015, no. 17, pp. 318–323.
2. Marks K. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii* [Criticism of Political Economy]. In: Marks K., Engels F. *Izbrannye soch.*: v 9 t. [Selected works. 9 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1987, vol. 7.
3. Nort D., Uollis Dz., Uebb, Vaingast B. *V teni nasiliya: uroki dlya obshchestva s ograni-chennym dostupom* [In the shadow of violence: lessons for societies with limited access]. *Voprosy ekonomiki* [The economy], 2013, no. 3, pp. 4–31.

4. *Pervoe poslanie Ioanna Groznogo Kurbskomu. Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Vtoraya polovina XVI veka* [First message of Ioann Grozny Kurbskomu. Monuments of literature of Ancient Russia. Second half of the XVI century]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1986.

5. Plutarkh. *Sravnitel'nye zhizneopisaniya: v 2 t.* [Comparative biographies. 2 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1987, vol. 1.

6. *Povest' vremennykh let. Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XI nachalo veka* [Story of temporary years. Monuments of literature of Ancient Russia. The XI beginning of the century]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1978.

7. Soto E. de. *Other way: Invisible revolution in the third world*, New York, 1989 (Russ. ed.: *Nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire*. Moscow, Catallaxy Publ., 1995).

8. Tumalanov N.V. *Vozdeistvie ekonomicheskikh institutov na mezhotraslevoi obmen* [Impact of economic institutes on an interindustry exchange]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 2, pp. 495–500.

9. Tumalanov N.V., Ivanov V.V., Tumalanov E.N. *Izmenenie uslovii konkurentsii na rynke agroproduktov/stvennoi produktsii* [Change of conditions of the competition in the market of agrofood production]. *Sovremennaya konkurentsia* [Modern competition], 2012, no. 3, pp. 80–88.

10. Tumalanov N.V., Urusova I.N. *Vozdeistvie ekonomicheskikh interesov i institutsional'nykh struktur na ekonomicheskoe razvitie* [Impact of economic interests and institutional structures on economic development]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 245–252.

ТУМАЛАНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Tumalanownw@mail.ru).

TUMALANOV NIKOLAY – Doctor of Economics Sciences, Professor, Head of State and Municipal Management Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УРУСОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и предпринимательства, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (urusova_irina@mail.ru).

URUSOVA IRINA – Candidate of Economics Sciences, Assistant Professor of Regional Economy and Entrepreneurship Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.
